

Телега счастья.

Православная Семья года делится рецептами радости.

стр. 4-5

ПАТРИАРХ
Московский
и всея Руси
КИРИЛЛ

Мысленно предстоит сегодня яслям Спасителя, у которых рядом с Творцом пребывает все творение – и люди, и животные, и ангелы, – ощутим себя окружеными любовью Божией и объединенными вокруг Христа. Сбросим с души оковы боязни и недоверия, тревоги и отчаяния, услышим глас Сына Божия, Который приходит на грешную землю и призывает к Себе *всех труждающихся и обремененных*, обещая им покой (*Мф. 11, 28*). Приходит – и научает нас жить так, чтобы утраченное райское блаженство вновь стало реальностью, и даже больше – чтобы человек мог непостижимым и таинственным образом соединяться с Господом.

Родившийся на земле Царь Небесный уже все сделал для нашего спасения. Нам остается только принять Его любовь и ответить на нее своими поступками – жизнью по заповедям и делами милосердия, крепкой верой и желанием быть с Богом, готовностью не только принимать из Его Отеческих рук обильные щедроты, но и с твердым упнованием и доверием Ему преодолевать те или иные сложности.

Дорогие мои, вновь и вновь поздравляю вас с Рождеством Христовым. «Никто не отлучен от соучастия в этом ликование», – свидетельствует святитель Лев Великий, – ведь повод к радости общий для всех. Пусть же ликует святой, ибо приближается к славе. Пусть радуется грешник, ибо даруется ему прощение». Господь да ниспошлет всем вам душевное и телесное здравие, неоскучевающую радость и бодрость духа, укрепит в совершаемых вами трудах и в дальнейшем шествии стезей спасения. Аминь.

Из Рождественского послания Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА. 2021/2022 г., Москва.

**НАКАНУНЕ 7 ЯНВАРЯ –
7 ВОПРОСОВ
СВЯЩЕННИКУ НИКОЛАЮ
АЛИЕВУ, НАСТОЯТЕЛЮ
ХРАМА РОЖДЕСТВА
ХРИСТОВА В ТОВАРКОВО**

**«МЫ ВСТРЕЧАЛИ ЕГО ВМЕСТЕ СО
СНЕГОМ ПОД ПРОБИТЫМ КУПОЛОМ»**

ВОПРОС 1. Отец Николай, хотелось бы начать наше интервью с вопросов биографических, и так как номер у нас рождественский, то я попрошу вас вспомнить о первом осознанном и осмысленном Рождестве в вашей жизни или рассказать о том Рождестве, которое по каким-то причинам более всего помнится.

– Я крестился в 10 лет, и поскольку все мое детство прошло в Белоруссии, то там же прошло мое первое осознанное Рождество. Вместе с моим духовным отцом и дядей, у меня три дяди игумена и две сестры монахини. И то Рождество, что запомнилось мне очень, было в Свято-Успенском Жировицком монастыре. Незабываемо. Еще Рождество, которое я запомнил, это конечно первое Рождество

на приходе в 9-м году, когда мы встречали Его, по сути дела, в разрушенном храме. Литургия еще не служилась, храм тогда только начал восстанавливаться, купол был пробит, дверей, полов, окон не было еще. И вот продуваемые всеми ветрами, вместе со снегом мы с прихожанами молились.

ВОПРОС 2. Отец Николай, вы сказали, что росли в Белоруссии, а как вы оказались в Товарково, да еще в такое сложное время?

– Когда я пришел с армии в 87-м году, служил я в Архангельской области в ракетных войсках стратегического назначения, мой духовный отец, игумен Власий (Амелькович), который здравствует и поныне, благословил меня переехать в Калугу и идти в кафедральный собор, благо-

Слово о чуде.

Молодые писатели возвращают веру в Деда Мороза.

стр. 3

Труд, душа и умение.

Что еще помогает калужанке в одиночку расписывать целые храмы.

стр. 6

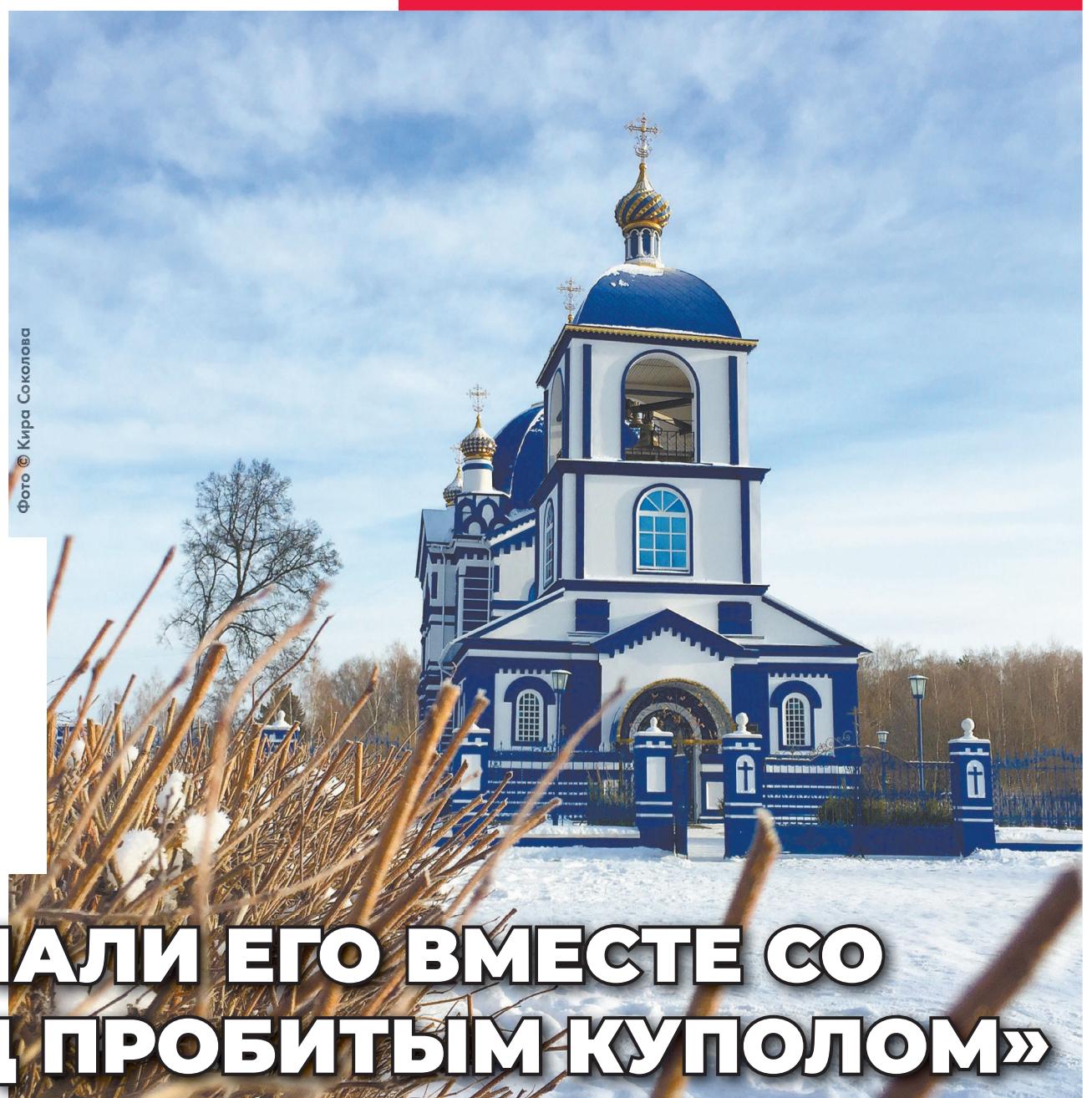
**ВРЕМЯ
СМЫСЛОВ!**

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

православная газета для молодежи

№ 6 (109)
25 декабря 2021

Издается по благословению митрополита Калужского и Боровского Клиmenta.
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

словил служить и посвятить свою жизнь Богу. И уже после женитьбы в 88-м году я поехал в Калугу и устроился письмеником, алтарником, в Георгиевский кафедральный собор. В то время было только два действующих храма – Георгиевский и Никольский, и вот начал свое служение там, и буквально через короткий отрезок времени на кафедру был назначен тогда еще архиепископ Калужский и Боровский Климент. И владыка сразу меня рукоположил в дьяконский чин, а через месяц – в священнический, поскольку была острая нужда в священниках, начали возвращать разрушенные храмы. Так я оказался в России, в Калуге.

НАЧАЛО. Продолжение читай на стр. 2

7

ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ НИКОЛАЮ АЛИЕВУ, НАСТОЯТЕЛЮ ХРАМА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ТОВАРКОВО

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Начало смотри на стр. 1

ВОПРОС 3. Отец Николай, храм Рождества Христова, который вы восстанавливали, сегодня одна из калужских православных жемчужин. И понятно, что восстанавливать было не легко, и говорить об этом можно долго. Но мы хотим вас попросить вспомнить, быть может, о самом трудном моменте или периоде тех лет, когда храм поднимался из руин. И главное – как удалось пережить, преодолеть те сложности, что возникали?

– В начале 91-го года меня привез сюда владыка, на собрание жителей поселка Товарково. И люди изъявили желание восстановить красивый разрушенный храм на берегу Угры, и после этого собрания владыка сказал мне, молодому тогда, только рукоположенному священнику: «Отец Николай, желаю, чтобы взялся ты за это дело». И с того года началось возрождение храма. А сложностей было много. Ведь руинированный храм стоял вдали от населенного пункта, электричество не было подведено – его вообще не было нигде поблизости, газа не было, воды – тоже. Поэтому возрождение храма надо было начинать с того, чтобы протянуть к нему электричество, и мы как-то сумели с местными властями договориться, протянули высоковольтную линию в 10 тысяч вольт! Вообще, такой беспрецедентный случай, ведь до поселка почти пять километров. Еще один момент был весьма непростой: поскольку автомобильный мост и дорога к храму были в стороне, надо было те же пять километров добираться, мы решили построить пешеходный мост, подвесной, с поселка – прямо к храму. И это была эпопея сложная! Пришлось

побегать по директорам местным, изготовить самим техпроект, всю техническую документацию, доставать дефицитные в то время сваи из гранитного щебня, мостовые такие, строить... Это была грандиознаястройка! Вот, пожалуй, самые сложные моменты, с которыми мы столкнулись вначале, начинать всегда тяжелее всего. А потом потихоньку, когда уже начал образовываться приход и люди узнали священника, священник – людей, все пошло как-то веселее.

К тому же в наших краях пребывает икона Божией Матери Ломовская. Она названа так, потому что была разломана на две части. Явилась икона как раз напротив нашего храма на реке Угре, плыла по течению, остановилась – и так была обретена. Икона отмечена тем, что по молитвам перед ней многие получали просимое, она стала почитаемой. В нашем храме образ находился с 1906 года, когда храм был освящен, и по 1959-й, когда храм был закрыт. Церковь сначала превратили в турбазу недолго. Потом был здесь молокозавод. И в конечном итоге – самое страшное – в храме устроили склад химических удобрений, до 90-го года он здесь оставался. И вот в 1959 году, когда храм закрывали, икону местная община передала в барятинский храм, он никогда не закрывался. И с тех пор икона находится там. После возрождения нашего храма и основания в Барятине девичьей общине владыка Климент принял решение, что почитаемый образ – поскольку он тоже сроднился с барятинским храмом – остается там. У нас в храме находится список с Ломовской иконой, тоже почитаемый.

ВОПРОС 4. Батюшка, снова вернёмся назад, не могу не спросить вас как человека, на глазах которого проис-

ходило «Второе Крещение Руси», чем вы объясняете столь массовое резкое повышение градуса веры и потом вдруг теплохладность к Церкви?

– Конечно, однозначного ответа здесь дать нельзя, мы были действительно свидетелями тому, как народ, жаждущий чего-то духовного, пошел массово креститься. Я помню года первые, когда еще молодым священником служение проходил в калужском храме, так по 100, 120, 150 человек иногда на крещении было. Сейчас в это даже с трудом верится. Но это было. А потом подъем духовный ушел в песок. Кто виноват и какие причины?

Икона Божией Матери Ломовская. Обретена на реке Угре близ Товаркова. С 1959 года пребывает в Богородице-Рождественской пустыни села Барятина, в 7 километрах от г. Кондрово. Почитаемый список находится в храме Рождества Христова в Товарково.

Я думаю, конечно, что мир берет свое. Вместе с этим вторым крещением Руси ведь такие окна овертона открылись с Запада и столько соблазнов потекло! Как говорил Иоанн Богослов и другие святые – мир тоже ведь соблазняет и тянет людей. И конечно, не снимаем и нашу ответственность. Мы, священники, многоного, наверное, не додали, не доделали на ниве Христовой. Поэтому что, если бы в каждом из нас люди видели такого ревностного пастыря, который действительно жизнь свою положил на служение Богу, я думаю, что этот отток из храмов был бы меньшим.

ВОПРОС 5. К слову о том, что мир берёт своё. Многое сегодня берёт информационный век, или все разговоры о цифровизации надуманные?

– Изобилие информации, в которой тонут люди – это проблема, которую отрицать глупо. Один интернет сколько проблем приносит человеку, не умеющему правильно организовывать жизнь. Хотя, с духовной точки зрения, понятно, что интернет – это тот же город: один, войдя в го-

род, направится в храм, а другой – в кабак. Что внутри нас, туда мы и идем. Но тем не менее, да, изобилие информации, особенно погруженность современного человека в виртуальный мир – это страшная проблема. Страшная. Человек как бы отвергает реальную жизнь, такую красивую и премудрую, которую создал Господь, и погружается в какой-то выдуманный мир и проводит там большую часть своей жизни, особенно молодежь – чего греха таит. Уже в любую свободную минуту, которая выпадает, люди ныряют с головой в этот виртуальный мир. Хотя, по сути дела, это прожигание самого бесценного, не зря святые отцы говорят, что земная жизнь бесцenna именно потому, что бесценно наше время. Сказано – временно покупается вечность. Время, которое можно употребить на спасение души, современный человек проводит в бессмысленных брожениях по разным сайтам. Тут еще важно сказать, что современный человек отучился быть наедине с собой, в тишине, человек уже не смотрит внутрь себя – и этому очень сильно способствовало погружение в виртуальную реальность. Поэтому, конечно, с духовной точки зрения, цифровизация, как ее называют сейчас – это просто убийство души, по-другому и не скажешь.

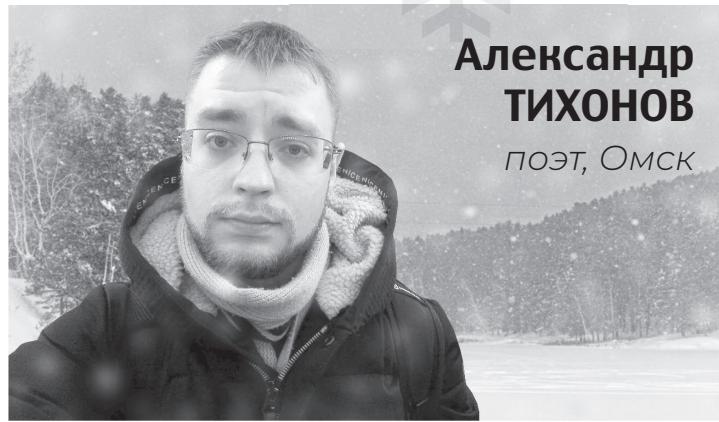
само по себе желание посетить какое-нибудь святое место – оно замечательное и хорошее, почему бы не съездить, но лучше мы от этого не становимся. Особенно это надо понять ревностным прихожанкам, которые забрасывают свои семьи и только путешествуют по паломническим местам. Нет в этом смысла, потому что семейный человек спасается семейными добродетелями.

ВОПРОС 7. Наша газета выходит накануне Рождества Христова. Отец Николай, мы хотим вас попросить поразмышлять на тему, почему именно Рождество в последнее время атакуется и журналистами, и политиками и как в этой ситуации не забыть о смысле праздника? И дайте небольшой совет молодым, как, скажем прямо, не опошлить святыни?

– Конечно, Запад уже давно утратил смысл Рождества. Там превратилось это в какой-то шопинг рождественский и поедание жареного гуся с яблоком. Мы видим сегодня, когда западный мир доходит до безумия и уже запрещает к употреблению слово «Рождество», человека западного ввергают в пучину безбожия, а если точнее сказать – в пучину сатанизма. Слава Богу, что у нас дело еще так не обстоит, но тем не менее для большинства наших современников-соотечественников Рождество тоже является поводом для застолья, не больше. И человек не понимает, какое великое духовное событие мы переживаем вновь и вновь. Не зря в тропарях часто поется: днес церковь торжественно празднует, «днес» – то есть сегодня. Сегодня переживаем то событие, которое случилось две тысячи лет назад, когда в наш мир ради спасения нас, грешных и недостойных, пришел Богомладенец Христос. Такой парадокс духовный, что Всемогущий Бог является беззащитным младенцем. И даже Божия Матерь вместе с Иосифом Обручником спасается бегством в Египет, потому что Ирод ищет убить Богомладенца. В этом празднике и любовь Бога к человеку, и промысел Божий, и, конечно, радость, и печаль какая-то тоже присутствует, потому что с самого рождения Христа мир этот гнал Его, и Христос прожил очень нелегкую жизнь и окончил ее на Кресте именно за все грехи, то есть не просто за все человечество, а за грехи каждого из нас. Христос пришел, чтобы искупить нас своими страданиями, и вот это главное – суть праздника мы не должны никогда забывать.

А что касается совета молодежи, то он вытекает из вышесказанного – не превращать святыни в разгульное обжорство. В Церкви все премудро устроено: есть время поста, а есть время послабления, радости и праздника. Но этот праздник должен все-таки содержать в себе духовные смыслы. Да, Рождество – это радость, надо радоваться, но в то же время в радости своей молиться. Думаю, это будет самое правильное.

Подготовил Максим ВАСЮНОВ.

**Александр
ТИХОНОВ**
поэт, Омск

Говорю «Новый год!» и возвращаюсь в детство: мне пять лет. Поздний декабрьский вечер. Если прижаться щекой к холодному стеклу, можно увидеть, как из темноты летят в окно тысячи снежинок. Мы с мамой ждем отца с работы. Автобус с мясокомбината, где он трудится кочегаром, не ходит, потому отец возвращается в поселок пешком, идя вдоль трассы, в метель. Взрослому человеку идти минут тридцать сорок. На нем овчинный тулуп, в руках — сумка, фонарик и толстая стальная трость с острием, чтобы отбиться, если нападут одичавшие собаки. Вокруг мясокомбината их целые стаи.

Мама тревожится, помимо выглядывает в окно, где подъездный фонарь дергается на ветру и мажет желтым светом по сугробам. В пузатом телевизоре что-то вещает Ельцин, рассказывают о войне в Чечне. Наконец, дверь подъезда хлопает. Я узнаю отца по шагам. Когда был совсем маленьким, думал, что так же топает Дед Мороз, неся мне подарки. В общем-то, я был прав.

Обычно отец, только войдя в квартиру, скидывает тулуп на пол у входной двери, и тот лежит в темном коридоре до утра, мохнатый и страшный. Кажется, что в минуты, когда взрослые отлучаются, тулуп рычит

и медленно ползет ко мне. Но стоит включить свет... От тулупа пахнет гарью. Отец долго моет руки с мылом, потом проходит на кухню и садится за стол. Пока мама наливает суп или выкладывает из сковороды котлеты, он достает из сумки то половину кольца колбасы, то кусочек докторской, тайком вынесенный с завода. Никогда не ел ничего вкуснее!

В этот вечер шаги в подъезде звучат дольше обычного, и когда я распахиваю дверь квартиры, вижу на лестничной клетке в руках у отца припорошенную снегом пушистую сосну.

— Тут Дедушка Мороз пробегал, — устало улыбается отец, — говорит: передай Саше елочку.

С этого начинается чудо. Неважно, что Деда Мороза не существует. Неважно, что до Нового года еще неделя. Праздник здесь и сейчас. Пахнет хвойей, из фанерного ящика с остатками сургучных почтовых печатей достаются стеклянные шары и сосульки, картонные зайцы, ватный Дед Мороз.

Отец, поужинав, ложится на диван, пахнущий дымом и мылом, наблюдая, как мы с мамой наряжаем его подарок.

СЛОВО О РОЖДЕСТВЕ!

В этом году декабрьская «Вера молодых» не выходила специальным литературным номером, однако, зная, как вы ждали встречи с полюбившимися авторами, мы попросили их всё же поделиться своим словом, воспоминаниями о Новом году и Рождестве, своим чудом. Ведь чудом надо делиться — на то и даны слова писателям.

Новый год. Произносишь эти слова и чувствуешь волшебство. И самое приятное, что начинается оно задолго до самого праздника.

Заглядываю в прошлое: мне лет восемь. Зимним утром подхожу к балконному стеклу и вдруг подпрыгиваю, бегу к родителям с радостным криком: «Елка!»

Папа улыбается, гладит бороду: «Значит, Дед Мороз к нам заглядывал. Наряжать будем?»

От радости захватывает дух. Папа встает на табурет и через мгновение опускает к моим ножкам коробки с сокровищами.

Я разгребаю свалившуюся вату вперемешку с мишурой и достаю игрушки: Чиполлино на металлической прищепке, одинаковых куколок-эскимосов в зеленой и красной блестящих шубках, шар из папье-маше, который делала сама.

Потом папа тянет нитку с флагами через всю комнату, проверяет лампочки в гирляндах...

**Юлия
БЕСОВА**
автор книг
для детей,
Москва

Каждое действие знакомо и долгожданно.

Вот это ощущение радостного ожидания я стараюсь передать и своим детям.

Елку нам тоже приносит исключительно Дед Мороз. В предвкушении праздника мы мастерим украшения и пишем письма добromу волшебнику и, прежде чем загадать что-то заветное, обязательно делимся самыми памятными событиями уходящего года.

Ну а дальше, как и положено: оливье, мандарины, бенгальские огни и большая семья за праздничным столом!

И мы создаем себе сказочное настроение, читая одну за другой волшебные зимние истории.

Кстати, особенно приятно, что в нынешнем году в эту книжную стопку добавилась и моя сказка с веселым детективным сюжетом «Что стряслось? Новогодний переполох», в которой звери пытаются выяснить, кто трясет их елку на кануне Нового года.

Ну а дальше, как и положено: оливье, мандарины, бенгальские огни и большая семья за праздничным столом!

В ТЕМУ

ЖАЖДА ВОЛШЕБСТВА

«Можжно я принесу их домой? Ну пожалуйста», — умоляла маму маленькая девочка, показывая на две крупные снежинки, которые с таким трудом удалось поймать ярко-красной варежкой. С тех пор прошло несколько десятков лет, но грустную улыбку моей матери я забыть не могу. Не помню, что сказала она мне тогда. Но осталось ощущение того, что чудо мимолетно. Оно приходит, легонько касается кончиками варежки, вызывает улыбку, а потом исчезает, как растворяющая снежинка. Я благодарна родителям за то, что они поддерживали мое ожидание чуда, которое особенно усиливалось зимой, в канун Рождества.

Каждый год 6 января мы всей семьей с наступлением сумерек вставали у окна и ждали появления первой звездочки, чтобы загадать желания. Тогда у меня получалось формулировать их предельно конкретно: «Хочу куклу Барби в красном платье, с белой сумочкой, которая продаётся в магазине за углом и стоит на второй полке». И на следующий день кукла появлялась на подоконнике в моей комнате и покорно ждала момента, пока ее заменит новая хозяйка. Так с помощью моих родителей ко мне каждый год стало стучаться рождественское чудо. С тех пор традиционно в канун Рождества со мной начали происходить интересные приятные события.

Когда мне было пять лет, я любила играть с маленьким лягушонком из «Киндер-сюрприза». Он сидел на саночках и очень забавно съезжал с настоящих снежных горок. Както, играя с друзьями, я подумала, что игрушке должно быть грустно кататься одной и загадала на первую звездочку найти в шоколадном яйце ее компанию. Тогда там могло оказаться любое животное. Но каково же было мое удивление, когда из яйца «вылупился» точно такой же лягушонок, но стоящий на лыжах. Так во мне закрепилась вера в то, что Рождество — это особое мистическое время, когда возможны любые чудеса.

Тем не менее не всегда Рождество в моей жизни сопровождалось традиционной звездочкой, застольем и подарками. Как-то я встретила этот светлый праздник в дороге. Мы с друзьями ехали автостопом из Ярославля в Псков, где нас ждала большая теплая компания. Но, к сожалению, дорога была не такой теплой, и предвкушение приезда в уютный загородный дом не грело.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В РОЖДЕСТВО

ЧУДО

Закружила зима. Завертелась
Над землею густая метель.
Мне так чуда когда-то хотелось —
Оставляла незапертой дверь.

Пусть заходит оно, не стучится.
Стол накрыла богатый, большой.
Обязательно чудо случится,
Если верить в него всей душой.

МАНДАРИНЫ

Ты появился в полночь Рождества,
Стоял за мною в церкви у порога.
И подобрал те самые слова,
Которые я так ждала от Бога.

Ты говорил о вере, о мечте.
По сторонам качались тихо тени.
Да, рядом с нами могут быть не те,
Чтоб поняли, как хорошо нам с теми.

Мне так с тобой хотелось говорить,
Сквозь слезы улыбаясь без причины,
Дошли до дома, надо уходить,
Ты положил мне в сумку мандарины.

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

**Юлия ЗАХАРОВА
(Дихтяр)**
поэт, Ярославль

Вознесенский монастырь и Вознесенская церковь давно и прочно вошли в круг интересов историков, археологов и краеведов всех, так сказать, уровней. Одна из древнейших в Козельске! Отец Леонид (в миру Л.А. Кавелин), например, считал, что первая церковь была сооружена еще в конце XV века. Надо полагать, все это были деревянные постройки!

Где-то после 1499 года был основан сам девичий Вознесенский монастырь с деревянными постройками.

Что касается первого каменного здания здесь, то оно возникло во времена Ивана Грозного, т.е. примерно в 1533-1584 годах. Впрочем, есть точка зрения и о более позднем времени возведения кирпичной постройки пятиглавой церкви в XVII веке. Можно найти и такие сведения: после 1613 г.; в 1620 г.; в 1730 г. Каждая дата имеет под собой почву, и вопрос состоит только в том, о какой части храма идет речь. Вознесенская церковь неоднократно строилась (деревянные сгорали), надстраивалась, к ней пристраивались приделы и пр.

Не думаю, что в те далекие годы церковные постройки возводились на мощных и разветвленных подземных сооружениях. В лучшем случае закладывали фундамент под стенами да оборудовали подпол для теплоты. О первых постройках монастыря не раз писали, что они не имели большого фундамента, и он даже уходил глубоко в землю. Приходилось его совершенствовать.

К 1800 г. каменная Вознесенская церковь была уже в «современной твердости». Самые благоприятные условия для обновления ее сложились в 1870 г., когда удалось собрать большие пожертвования. На протяжении 4-х лет строилась новая трапезная, а также современная для того времени колокольня. Старая трапезная была сломана, а грядущие массивные стены ее, и особенно — для новой колокольни, потребовали проведения весьма основательных работ по устройству фундамента. Тогда же, в XIX в. скорее всего, сначала выстраивались подвальные помещения с массивными кирпичными стенами, надежными сводчатыми потолками. Быть может, какие-то части подземных кирпичных построек (XVII — XVIII вв.) в подполе были оставлены либо для надежности, или как подходящие.

Судя по фотографиям, которые были сделаны журналистами в декабре, хорошо видно, что кое-что достраивалось

В декабре журналисты газеты «Вера молодых» вместе со съемочной группой телепроекта «Православная энциклопедия» («ТВ Центр») побывали в подземных помещениях Вознесенского собора Козельска. Некогда это был главный храм женского монастыря. Сейчас силами нескольких монахинь обитель восстанавливается. Мы об этом писали в предыдущем номере. Не так давно сестры монашеской общины при установке отопительной системы обнаружили под храмом целое пространство — две комнаты и ведущий в неизвестном направлении ход. Всё было завалено строительным мусором, но две комнаты к декабря удалось расчистить. «Возможно, здесь был даже храм. Я уверена, что здесь тоже шла молитва, неспроста мы чувствуем особую благодать, когда спускаемся сюда», — рассказала журналистам старшая сестра Вознесенской женской монашеской общины Анастасия Дрёмина. Свою находку монахини считают чудом. Как бы то ни было для истории калужского православия это действительно важное событие. О том, каким веком следует датировать подземные помещения и что в них могло находиться, мы попросили рассказать историка Сергея Рябова.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ПОДЗЕМНОЙ ЧАСТИ ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА КОЗЕЛЬСКА

Но связи с кирпичными подвалами Вознесенской церкви все это, скорее всего, не имеет.

Впрочем, старые стены Вознесенской церкви и ее подземных сооружений хранят в себе камни, кирпичи, штукатурку, элементы металлических конструкций самого разного времени. Есть среди них и деревянные части. Какие-то остались еще и от времени основания первой церковной постройки здесь. Все они являются свидетелями не только богатейшей духовной жизни, но и героических подвигов служителей церкви и монахов (монашек). Их имена есть в синодиках церкви. Тепло их рук, сердец и дыхания хранят все эти кирпичи и ржавое железо.

Бот пока и все.

Надо признать, исследователи архитектуры церквей, церковные краеведы еще очень робко обращаются к изучению подвальных помещений. Между тем, они могут очень о многом нам поведать.

Сергей РЯБОВ.

«ВСЕ ЭТИ КИРПИЧИ И РЖАВОЕ ЖЕЛЕЗО ХРАНЯТ ТЕПЛО РУК СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ»

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

№ 6 'декабрь' 2021

ОН

С Василием мы едем в телеге по берегу Серены. Справа от нас — Клыковский монастырь взлетает в голубое небо всеми своими куполами, слева — холмы, леса, редкие домики. Василий правит конем Ветерком. Катим медленно, размеренно, в такт бегущей реке.

— Я на этой дороге каждую кочку знаю, — говорит Василий. — Каждому месту имена придумываю.

Василий начинает смеяться и показывает на луг:

— Вот это — Васильевский луг, — и смеется еще гречом. — Просто я тут и коней пас, и траву косил. А еще есть там, подальше, Васильевский спуск. Я тоже за ним ухаживаю иногда, ветки рублю, чтобы людям удобнее было к реке подходить. И сам там люблю сидеть — на воду смотреть! Потому — Васильевский! Но это шутка, конечно!

Правду шутки понять можно — надо же хоть куда-то уходить главе большой семьи и огромного фермерского хозяйства. Одних перепелок — две тысячи, еще есть коровы, лошади...

Но есть еще одна причина, почему Катков выбирает путь мимо монастыря.

История — дело, легко поддающееся забвению, потому мало кто помнит даже из клыковских, что Вася был одним из тех, кто в девяностые приехал сюда восстанавливать полуразрушенный храм. Парню тогда было всего пятнадцать.

— Первые два года тяжело было — можно сказать, выживали, — вспоминает Василий. — Раз в неделю в Оптину ездили, в баню, мешок риса брали, местные соленьями помогали. Так и жили. Но была общность, благодать была...

— Подожди, Вася, все это мы слышали, а как так получилось, что ты пятнадцатилетним пришел храм возрождать и создавать монастырь?

Тут Василий бросает вполголоса лишь одну фразу: «Характер сложный был, дерзкий даже», — и отворачивается, погоняет лошадкой, смотрит на извилистую дорожку.

Приходится на этот круг заходить второй раз.

Василий рассказывает, что он из большой семьи: пятерых детей мама воспитывала одна, жили в подмосковных Люберцах. Там и застали девяностые во всей их убийственной «красе».

— У нас там стреляли каждый день, от стрельбы духовник семьи благословил уехать в Тульскую область. Мы уехали. А каждое лето приезжали в Оптину пустынь — поработать, помолиться... Одним летом я там и остался.

Василий говорит — нет, монахом быть не хотел. Просто уж очень мальчишке нравился монастырский быт, тянуло на духовные подвиги. Одно подвело юного подвижника — тот самый «характер тяжелый».

В общем, Вася признался: как-то нахамил кому-то из братии, вот его и «сослали в Клыково». Но парень даже обрадовался: порушенный храм, полупустая деревня, цивилизацией и не пахнет — вот место для подвигов!

И подвигов этих было семь лет. Пока не надели на Вася подрясник. И тут опять пронеслась характер.

— В скобочках скажем: выгнали меня. И я вернулся в мир.

Мы тоже заметим в тех же скобках, что с церковью Василий не порвал — он продолжает оставаться воцерковленным человеком и сегодня.

Но это еще не все из монастырской биографии Василия Каткова. Мало кто знает, но это именно он раскапывал в старом клыковском храме останки расстрелянных людей. А дело было так: в советское время в церкви держали удобрения. Аммиаком так все пропиталось, что глаза слезились. Начали землю убирать, метра два слоя сняли — тут и наткнулись на скелеты с простреленными черепами. И почти на всех скелетах — крестики.

— Больше всего меня поразило: я откопывал женщину, которую расстреляли беременной, был такой маленький черепочек.

Два года Василий копал, нашел больше сотни тел. Кто они? За веру ли расстрелянные или еще по какой причине — неизвестно до сих пор. Большую часть останков криминалисты из Калуги увезли и не вернули, то, что откопали после «следственных действий», захоронили прямо в монастыре.

Так что в мир Василий вернулся уже совсем другим, повидавшим и попережившим, помудревшим даже — тут матушке Сепфоре

ИСТОРИЯ КАТКОВЫХ ИЗ БУРНАШЕВА, КОТОРЫЕ СТАЛИ СЕМЬЁЙ ГОДА

ЧТО ОБЩЕГО У КОННОЙ ТЕЛЕГИ И ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ?

О КАТКОВЫХ из Бурнашева надо писать книгу. Не в популярных сериях, где псевдопсихологи дают

глупые советы о том, как построить отношения или правильно воспитать детей, а в серии «Жизнь замечательных людей». И ничего, что Василий и Катерина Катковы – не знаменитости. Они славы не ищут. Они другое нашли... Путь к счастью не был прост.

Василий в семью пришёл, можно сказать, прямиком из Монастыря – уже в подряснике ходил, старицу Сепфору мамой называл. Катерина – дочь эстонцев, приехавших в девяностые возрождать колхозы на обломках империи; девушка, которая поначалу по стопам родителей не пошла, уехала в город. Разные. Но Промысел свёл их дорожки в одну крепкую нить. И вот они уже многодетные родители, бурнашевские фермеры, активисты. А с недавних пор – ещё и победители областного конкурса «Семья года» в номинации «Сельское подворье».

ОНИ

Закипела жизнь. Вася начал дом свой строить, чтобы из дерева да с русской печкой посередине. Катя – рожать. Три мальчика за пять лет! В общем, ребята не теряли времени даром. Это тоже ключик к счастью.

Мы сидим с Василием и Катериной в саду около их дома, за деревянным столом пьем чай, разговариваем. Только в такой атмосфере и надо разговаривать за жизнь.

А жизнь у семьи русской – это что? Дом, дети... и все, кто обитает по эту сторону забора: помимо птиц, напомним, это еще и коровы, и лошади. Катковы вспоминают, как были счастливы переехать в свое жилье.

Катерина говорит:

– Для меня наш дом в Бурнашево (и теперь наша ферма) – это место обретения семьи. И еще такой момент. Я раньше постоянно искала себя, было ощущение пустоты, и только здесь я почувствовала себя настоящим человеком, счастливым.

И тут же повторяет то, что я уже слышал от нее в машине, но другими словами:

– Если в семье мир, если в семье все хорошо, то будет все идти. И тогда тяготы – это не тяготы.

Тяготы тут же дают о себе знать. Мы чат. Василий смотрит на часы – время дойки. Это для фермера – понятие жизнеобразующее.

– Мы, как завели коров, никуда не можем уехать, про море забыли. Даже когда в Калугу ездим по делам или на какие-то фестивали, то постоянно смотрю на часы – доить пора. Это ты лошадь можешь сутки не кормить, она поймет, простит, а коровы не прощают. Мы привязаны к ним.

Разумеется, я спросил: а что, нельзя кого-то нанять? Разумеется, мне ответили – нельзя. Просто надо так любить животных, как Катковы, чтобы это понять.

– Невозможно найти человека, которому бы сто процентов можно было доверить коровок. И которому бы коровы доверяли.

– Да у нас и нет потребности куда-то выезжать. В городе мы быстро устаем, хочется скорее домой! Мы сбежали из города, от цивилизации для того, чтобы вот так жить! – продолжает Катя.

«Вот так жить» – это не все 24 часа семья и хозяйство. Вернее, скажем так: похоже, Катковы со своим часам живут, каким-то волшебным. Потому что при таком хозяйстве и такой семье они еще и общественной работой занимаются.

Это по Катиной инициативе в Бурнашево начали возрождать клуб и библиотеку. Сейчас к этому все село подключилось, но бегать по дворам, всех «ганашить» начали именно Катковы.

Это именно Катя первой откликнулась на идею создать в деревне свой любительский театр. И детей к этому привлекла, и даже мужа. Сыграли вместе не одну постановку.

А про то, как они «отжигали» на Рождественском фестивале в Клыково, уже ходят байки. Но я лично видел, как дело было: Вася играл Кащея, я – Бабу Ягу, мы должны были вклинииться в праздник и «натворить там делов». Но прямо перед самым началом представления Вася вдруг говорит: «У меня корова рожает, мне ехать надо. Я быстро. Десять минут – и я тут».

И уехал. Корова та должна была еще до Нового года родить, но решила, видимо, дождаться Рождества, все чувствуют этот день. Но вот зачем она дождалась именно представления на площади у клыковского монастыря??!

В общем, Вася приезжал на ферму. А он – в костюме, в гриме Кащея смотрит сурво на коровку. И говорит, попутно входя в образ: «У тебя десять минут. Рожай, как хочешь, мне нужно на спектакль». И родила ведь! На свет появился теленок.

А я стою за домами и слышу, что уже наш с Кащеем-Васей выход, нас уже зовут, но его все нет. А мы же с ним должны были на санях выезжать – на железных, со ступой (тоже Васиных рук дело), и жалко без саней появляться – эффект не тот будет. И тут смотрю: весь в поту, грим течет, но бежит Кащеюшка!

Выскочили с ним на площадь к детям почти вовремя! Потом чуть не плакали от смеха, вспоминая эти минуты, за которые случилось настоящее чудо!

И это – лишь один пример из жизни Катковых. Показательный такой пример. Кто сегодня такой ответственностью похвастается?

Видимо, потому и дети у них какие-то абсолютно несовременные. Всегда и во всем стремятся отцу и матери помочь, дурных слов не говорят, знают, что такое честь, совесть, долг.

– Возможно, мы их воспитываем немножко старорежимно. Ну и что, нам за них не стыдно, – признается Катя.

У Василия тоже свое мнение насчет того, как надо воспитывать: к труду приучать и учить любви – в самом широком смысле.

– А то недавно общался я с одними парнями, так они все в телефонах своих, они не то что не знают, как корову доить, так без телефона не могут ответить, где право, где лево. Я не утирию. Но ведь так нельзя, так мы все выпрем, – беспокоится Вася. Он вообще очень переживает за русских людей и деревню русскую в частности. Мы много с ним об этом говорили. Как-нибудь потом перескажу.

А пока Ветерок снова везет телегу, мы с Васей едем в сторону Козельска. По пути он вдруг говорит:

– А телегу эту я сам собрал. Из мотоциклетных колясок.

Ловит мой удивленный взгляд и продолжает:

– Вроде неплохо получилось. А и всего надо-то немного ума, особенно много времени и нервов.

Эх, Василий! Говорили тебе, что ты гений?! Ты же открыл не только рецепт хорошей телеги, но и формулу счастливой семьи!

Семьи года.

Максим ВАСЮНОВ.

— Марина, вы последние несколько лет расписываете храм Всех святых при Оптиной пустыни совершенно одна! Когда начинали, не страшно было?

— Есть такая поговорка: «Глаза боятся, а руки делают». Есть утвержденный проект, макет. Храм небольшой, и всегда есть возможность посоветоваться с другими иконописцами, к тому же есть свой опыт. До этого я принимала участие в росписи храмов монастыря. Была большая работа в Наро-Фоминске, где по благословению игумена Иллариона расписывала храм в честь святителя Николая. Есть интересная история, связанная с этим местом. Храм этот стоит на воззвщенности над рекой. А придел в честь великомученика Георгия Победоносца обращен в сторону, откуда наступали немцы во время Великой Отечественной. И они никак не могли взять этот рубеж. К тому же старожилы рассказывали, что зимой, когда началось наступление, здесь вдоль речки по льду ходил святитель Николай. Вот такие чудеса...

— При взгляде на ваши фрески в оптинском храме тоже вспоминается слово «чудо». Особенно фреска с Троицей. Долго она создавалась?

— Долго — целый сезон.

— Писали по канонам...

— Церковная роспись — всегда работа с каноном. Также всегда надо учитывать архитектурный стиль храма. Работая над образом Пресвятой Троицы, я опиралась на икону преподобного Андрея Рублева по композиции и колориту.

— Когда я была в храме, который вы сейчас расписываете, видела много образов на простом картоне. Это — зачем?

— На картоне все отрисовывается в натуральную величину. Затем вырезается фрагмент, который сможешь написать за один раз по сырому. На стене отмечашь для левкальщика общие очертания фрагмента. Он закладывает левкас, а утром приходишь, переносишь рисунок на стену и начинаешь писать... Пока не закончишь. Когда кусок готов, за дело снова берется левкасчик: аккуратно обрезает изображение точно по контуру и по стыку закладывает следующий фрагмент. Ювелирная работа. Все по принципу мозаики.

— Бывают моменты, когда работа идет тяжело?

— Конечно. Фреска — материал очень сложный. Бывает, что вроде бы по технологии все правильно сделали, начинаешь писать, а стена «не пьет» или уже «не пьет». Краска не впитывается, течет. Устал не устал, а работу надо закончить. Как левкасчику, так и художнику. Поэтому наш труд тяжелый, требует собранности. Особенно если это большие объемы. Надо так залевкастить, да чтобы еще швов не было видно.

— А с масляными красками проще работать?

— Проще в том плане, что стена стоит, и никуда она от тебя не денется. Поработал — отдохнул. Фреску же ты должен сделать, пока она «пьет». Если ты не успел, то испортил левкас. Усердие большое надо и физические силы.

ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ КРАСОТУ!

КАЛУЖСКИЙ ИКОНОПИСЕЦ МАРИНА КАШИНА О СВОЁМ НЕПРОСТОМ ПРИЗВАНИИ

В 90-х годах прошлого столетия она была одной из немногих девушек в России, начавших изучать древнюю византийскую технологию росписи храмов — фреску. Её педагогом был профессор, руководитель монументальной мастерской Евгений Николаевич Максимов из Московского художественного института им. В.И. Сурикова. Вместе с ним за годы обучения она побывала во многих городах, расписывая стены восстановленных и абсолютно новых храмов. Но в 1997 году, впервые оказавшись в Оптиной пустыни, бывшая ученица влюбилась в это место и решила связать свою жизнь с калужским краем.

— Иконы, наверное, писать сложнее. Или это диаметрально противоположная работа?

— Те же святые. Но специфика разная. Но труд, душа и умение — во всем нужны.

— Марина, у вас красивая и чистая душа. Иначе вы бы не стали расписывать храмы. А к чему душа еще лежит?

— В художественной школе преподаю детям. У меня это новый опыт, новый этап в жизни. Это интересно. Я же закончила педагогическое отделение в художественном училище. И вот так жизнь повернулась, что первое образование пригодилось. Вот недавно прошла совместная выставка работ наших учеников и преподавателей в Москве.

— Есть ли среди них будущие Суриковы?

— Дети многие талантливы. Но, кроме таланта, нужно трудолюбие и большое желание заниматься этим делом. Иногда бывает, что ребенок талантливее других, но менее трудолюбивый и целеустремленный. Этого ненадолго хватит. А другой, что послабее, но более увлеченный и трудолюбивый, будет себя развивать и перегонит таланта очень быстро. Божья искра — да, но трудолюбие тоже талант. И увлеченность делом — тоже талант.

ленной. Ладно, думаю, сейчас прочитаю житие его. Беру книгу, и она сразу открылась на его житии. И я увидела, что день его памяти совершается 25 декабря — в день моего рождения. И тогда я все поняла — это мой небесный покровитель. Вот такое удивительное знакомство. Вот и здесь, в алтаре храма Всех святых, тоже есть его образ.

— Марина, а чье мнение для вас важно? К кому вы прислушиваетесь?

— У нас соборное творчество, поэтому к мнению духовника игумена Филиппа. Он иконописец, давно занимается фреской, делает мозаику. Ему я показываю свои эскизы, советуюсь, прислушиваюсь к его мнению. К тому же мне помогают советы моих коллег-иконописцев. Одна голова хорошо, а две лучше. Это же работа — поиск цвета, движения, жеста.

— Вижу, что блоков много на ваших фресках. Белый цвет в орнаменте будто серебрится.

— Это — обычная извесь.

— Удивительно... А какие необычные цветовые приемы есть еще?

— Синий цвет видите? Это рефть — черная краска, смешанная с белой. Рядом с охрой она смотрится голубой. Охра же с белилами дают солнечный свет, свечение создается даже когда в храме сумрак.

— Удивительным искусством вы занимаетесь... Марина, когда закончите расписывать храм Всех святых, что будет дальше? Есть какие-то планы?

— Я ничего не планирую. Как Господь управит, так и будет. Я не планировала и поездку во Владивосток. Никогда про этот город даже не думала.

— Вы и там бывали..

— Лет 10 назад принимала участие в росписи храма в честь иконы Казанской Божией Матери. Это был кладбищенский храм, но в советское время его разрушили и на этом месте построили кинотеатр. А в начале 2000-х отдали под храм. Здание представляло из себя сталинский ампир. Глобально перестраивать его не стали, установили купол. Но там была сложность в архитектурном плане — отсутствие сводов, плоский потолок. Поэтому мы с моим одногруппником Юрий Захаровым поставили перед собой задачу — зрительно сделать его выше. Понятно, что о фреске не могло быть и речи, потому что по бетону фреской писать невозможно. Поэтому расписывали силикатными красками. Но получилось достойно.

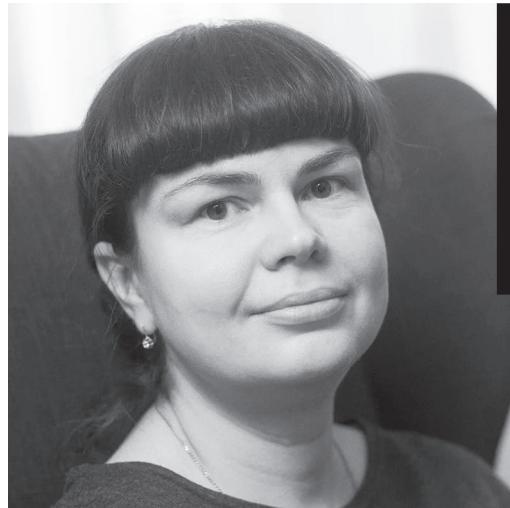
— Столько техник, столько храмов!

— Так что я действительно счастливый человек — занимаюсь любимым делом и езжу по разным местам, встречаюсь с интересными людьми. А когда захожу в храмы, в росписи которых принимала участие, то даже не верится, что это — моя работа, что здесь я когда-то ходила по строительным лесам и держала в руке кисточку... А храм уже живет своей жизнью, идет служба, люди молятся...

Беседовала Евгения СИМОНОВА.

Фото: Виталий ВЕРЕСКУН.

Она – известный православный психолог, руководитель центра семейного устройства при Марфо-Мариинской обители, сотрудник Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, многодетная мама своих и приемных детей. Все это Анастасия Владиславовна ПЕЛЯЧИК. Несмотря на всю свою загруженность, она находит время, чтобы ездить по провинциальным храмам и клубам, где рассказывает людям о самом главном – как уберечь себя и своих близких от «врагов настоящего счастья» – наркомании, алкоголю, страсти. Недавно Анастасия побывала и в Калужской области, наши корреспонденты не упустили уникального момента и задали психологу свои наболевшие вопросы.

«МЫ ВСЕ В ЗОНЕ РИСКА»

– Анастасия, как родителям понять, что его ребенок попал в зависимость или готов попасть – «на грани»? Чем обусловлен вообще интерес к алкоголю, наркотикам? Это генетическая расположность или же что-то не так прошло в воспитании? Или, может, имеет место «тлетворное влияние улицы»?

– Мы все в зоне риска. Современный мир так устроен, что соблазнов чрезвычайно много, и не все могут с ними справиться. Поэтому наша задача не контролировать ребенка, а дать ему внутреннюю опору и защиту, чтобы даже если он куда-то «вляпался», извините за сленг, то он бы пришел за помощью. Надо не бороться с тем, что может случиться или уже случилось, а дать ребенку поддержку и альтернативу. Тогда он сможет сказать «нет», когда его будут соблазнять.

Ну вот, например, такая история. Когда мы учились в школе, мы каждый год сдавали пробу Манту – на зараженность туберкулезом. Теперь, когда мы выросли, попробуйте вспомнить, когда ее последний раз сдавали? Не вспомните: с тех пор как мы стали взрослыми, нам этот тест не делают. Почему? Потому что ответ на пробу будет положительным, мы все столкнулись с палочкой Коха. Внутри всех взрослых людей эта палочка есть, но мы же не больны – наш организм борется. И, извините за некрасивую историю, на вскрытии будет видно, что наши легкие поражены палочкой Коха, но она там закапсулирована. Но если мы начнем пить, переживать, спать под забором, то палочка проснется и разрушит

нас изнутри. То же самое касается и гепатита. У многих из нас в печени есть и этот вирус. Мы, все люди, с гранатой без чеки, но она не взрывается потому, что мы ведем здоровый образ жизни: моеемся, хорошо питаемся, приветствуем помещение, гуляем, стараемся не нервничать. Все это помогает организму справляться.

Все то же самое давайте думать и про безумие, зависимости и нервные срывы: мы все можем «улететь» в болезнь. И условия вокруг нас к этому подталкивают. Как палочка Коха копошится в плевке на асфальте, так и всех этих соблазнов: алкоголь, наркотики, табак, легкие сексуальные отношения без обязательств – этого всего навалом, мы в этом живем. Зависимость – это болезнь, поражающая и тело, и душу. И если говорить про детей – вопрос был о них – надо укреплять все функции организма, чтобы ребенок не заболел.

– Как это можно сделать?

– Совсем недавно проходило совершенно замечательное исследование. Его проводила организация, занимающаяся малолетними преступниками, то есть теми, кто уже совершил преступление, причем настолько тяжкое, что оказался в местах лишения свободы. Ну так вот, исследование: оказалось, что если шесть дней в неделю родитель ужинает со своим ребенком, то в 4 раза уменьшается количество правонарушений у такого ребенка. А риск стать алкоголиком, наркоманом – уменьшается в 3 раза. В 2 раза уменьшается количество табакокурения среди детей. Родителю достаточно просто 6 раз в неделю встречаться за

столом со своим ребенком, и это его уже забирает из группы риска, дает ему силы сказать «нет» товарищу, который ему предлагает бутылку или шприц. Задача родителей – показать ребенку, как мир вокруг богат, сколько в нем радости, интереса, добра и развлечений без нарушения закона, без причинения вреда себе и окружающим. Самая распространенная зависимость – от гаджетов, ребенок сидит целыми днями играет в «стрелялки». Но можно эту «войнушку» организовать другим способом: лазертаг, пейнтбол, квест, пойти с ребенком в поход, поиграть с ним. У нас в детстве были «Зарница», казаки-разбойники, то есть такие мероприятия, которые удовлетворяли наши потребности, и притом «живую»: общение, со-

тихи, отдыха. Такое ощущение, что человек пришел в жизнь ради сиюминутной радости. Это то же самое, если бы над Ромео и Джульеттой висел плакат «Наша цель – оргазм!». Как вы думаете, Ромео и Джульетта полюбили друг друга ради этого? Счастье почему-то считается конечной целью. А ведь счастье – это побочный эффект: что-то делаешь и, если делаешь хорошо и правильно, то ты счастлив. Вот про это надо говорить детям, а мы их учим удовольствиям и удовлетворению потребностей. И это проблема не только России, но и всего мира. Маленького человечка с самого раннего детства учат, что его цель – удовлетворить все свои потребности. Это, конечно, здорово, но где тут обратный ток любви, где обучение заботе о тех,

«ЛЮБОЙ НАРКОТИК ИЛИ АЛКОГОЛЬ – ЭТО МЕДЛЕННОЕ САМОУБИЙСТВО»

– Алкоголь – это тоже такое сиюминутное удовольствие, эйфория.

– Да, тебе уже не страшно, не скучно, не грустно, ты готов принять реальность, с которой без алкоголя смириться не можешь. Алкоголь тут помогает не жить, а получить удовольствие. Побочный эффект колossalный, а эйфория, самое главное, ненадолго. Любой наркотик или алкоголь – это медленное самоубийство, но чтобы дойти до осознанного понимания, что ты себя убиваешь, требуются силы, разум, время, помощь.

– Насколько зависимому человеку нужен психолог?

«СОВРЕМЕННЫЙ МИР ТАК УСТРОЕН, ЧТО СОБЛАЗНОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНО МНОГО»

БЕСЕДА С ПСИХОЛОГОМ АНАСТАСИЕЙ ПЕЛЯЧИК О ЗАВИСИМОСТЯХ, ЦЕННОСТЯХ И... ГРЕЧКЕ

– Анастасия

– Болезнь у каждого протекает индивидуально, все зависит от ее истории, от личностных качеств, темперамента, силы воли. Кому-то нужна поддержка родных, кто-то может сам справиться, кто-то нуждается в помощи священника, кому-то необходимы долгие годы терапии – универсального ответа тут нет. Но в идеале это комплексная работа, потому что болезнь поражает и тело, и душу, и дух. Представьте: вы приходите к пожилому алкоголику и говорите: «Водка – это плохо, когда тебе захочется выпить – съешь морковку», – думаете, он справится? Он и так знает, что водка – это плохо. Но он реально не сможет этого сделать, ему нужна помощь врача, и священника, и семьи – всех. Единицы тех, кто справится при помощи чего-то одного.

– Конечно, даже в советскую эпоху, которую сейчас принято ругать и осуждать, людей учили заботиться о ближнем, преодолевать себя, где-то ограничивать, где-то терпеть. Вообще, лозунг «Ты этого достоин!» был немыслим еще 30 лет назад.

– То есть атеистическое государство прививало христианские ценности?

– Да, мир был более высоконравственным, все верно. Сейчас, как я уже сказала, пропаганда потребления и мимолетных удовольствий. А цена удовольствий очень высока, удовольствия тем и чреваты. Параллельный пример с едой: есть углеводы быстрые и медленные. Если съешь конфетку, тебе мгновенно станет хорошо, потому что ее вещества быстро усваиваются и дадут сигнал организму, и ты получишь на химическом уровне удовольствие. Только цена будет высока: это лишние калории, которые полезны, всякие добавки, которые есть в конфетке. Тебе будет хорошо сразу, несколько минут, а потом ты будешь долгие месяцы расхлебывать последствия. А если съешь гречку или перловку – там медленные углеводы, получишь тоже удовольствие, но оно будет дольше, не принесет побочного эффекта, больше пользы. И сил, и здоровья от гречки будет больше, чем от конфетки. Вот научиться есть гречку, когда тебе плохо, грустно или ты устал – это определенное искусство, требует навыков и переосмысления.

– К какому-то виду еды?

– Нет, человеческая. Дисфункциональные отношения, зависимость от другого человека. То есть чуть ли не у 90 процентов населения Земли нездоровые отношения, которые не приносят радости. А люди не могут их разорвать: женщину бьет муж, а она не уходит. Или мама ее оскорбляет, «вытирает» ноги, она понимает, что отношения токсичны, но никуда не девается от мамы. Это же муж, мама! – у нас много объяснений, почему мы это не хотим изменить. Мы такие отношения еще и не лечим, так есть – и хорошо. Наркотическую зависимость замечаем, а человеческую – игнорируем. А на самом деле она ничуть не легче, там те же механизмы.

– Анастасия, спасибо большое за интересную беседу!

– Берегите себя и своих близких!

Беседовала Анастасия КОРОЛЕВА.

год **1920-й**
глазами
Паустовского
и Пришвина

В том году Константину Паустовскому 28 лет. Он в Одессе, работает журналистом. По долгу службы вынужден пропускать пеприпетии истории через себя. Это дается непросто, тем более что выжить переживания в печать невозможно. А проза не пишется:

«Отморожены, должно быть, мозги, и отморожены руки».

Поэтому дневник – единственная возможность выговориться и не сойти с ума. Даже больше – единственная возможность жить:

«В нашем положении – выгоднее всего – это ждать смерти».

Михаилу Пришвину в ту же пору уже 47. Он, конечно, мудрее. Осознанно уехал из столицы, живет сначала в Ельце, потом на Смоленщине, учит детей, охотится, занимается хозяйством. Перед ним тоже разыгрывается драма истории, но писатель даже не надеется с кем-то поговорить об увиденном и пережитом. Все его мысли сразу же – практически в ежедневном режиме – перетекают на бумагу. В отличие от Паустовского, который к своим записям относился скорее как к наброскам, попыткам оставить маркеры памяти, пришвинские дневники – это полноценное произведение. Главная книга его жизни. Но в ней все те же жалобы на неспособность много и плотоядно работать («Жизнь моя теперь – медведя в берлоге». – 13 января) и ощущение всеобщей человеческой смерти:

«Убитые люди не знают, что они убитые, и наши духовно убитые не знают, что они давно мертвцы».

Что же вызывает у двух разных писателей, находящихся в разных концах страны, столь одинаковые ощущения? Естественно, атмосфера тех лет. Несмотря на то что события происходят ежечасно – все же строится новое государство, – в народе чувства движения вперед нет. Страна бкусует. В начале года, 6 января, Пришвин сделает на первый взгляд пейзажную зарисовку:

«Кура: назад замело, впереди замело, лошадь идет незнамо куда, вперед или назад – везде одинаково».

Но на самом деле это образ России. От гоголевской тройки оста-

«ТАКОГО ГЛУХОГО ЧУГУННОГО ВРЕМЕНИ ЕЩЁ НЕ ЗНАЛА РОССИЯ»

лась одна полуодялая лошаденка, которая сбилась со своего лихого пути. Рухнуло русское триединство: Православие, самодержавие, народность. Нынче – «диктатура босоты» (по Пришвину), народ без цели.

Из дневника Паустовского:

«Боже, до чего Ты довел Россию... В последних истоках мутного света сослепу тычется, ища черствую корку, громадный умирающий народ. Чувство головокружения и тошноты стало всенародным. И больше умирают от этой душевной тошноты, тоски и одиночества, чем от голода и сыпняка».

Откуда тоска? На этот вопрос многие исследователи уже дали ответ. Душа тоскует по Богу, Которого дружно предали. Выбирая между путем Иуды и Петра, выбрали – первого: продали, отправили на смерть, оказались не в состоянии пережить. Путь Петра – отрекшегося, но вовремя покаявшегося – показался слишком наивным.

Если бы была вера в народе, то – нет сомнения – пошли бы по пути Петра, но так в Него не верили, и предать оказалось легче. Отрезвление пришло быстро, практически сразу. Вместо благодати получили энергию злобы и саморазрушения.

О сути происходящего – у Пришвина:

«Коммунизм – это система полнейшего слияния человека с обезьяной, причем в угоду обезьяне объявляется, что человек происходит от нее, и вообще господствующей государственной философией объявляется материализм. Трагедия состоит в том, что человек сидит в одной тюрьме с обезьянкой и разбить тюрьму – значит освободить и обезьяну, которая непременно посадит потом в тюрьму человека и распнет его».

Пришвин менее склонен к осуждениям. Он пытается понять тех, кто рядом. Тем более что ничем его собственная жизнь от жизни народной не отличается: так же, как все, «брожу, качаюсь, как былинка на ветре». Но в отличие от многих Пришвин задается глубинными вопросами:

«И, не задумываясь, я дал бы пощечину тому, кто сказал бы мне, что «не единим хлебом жив человек». Да, я понимаю, что можно

живеть и духом, если инициатива этого голодно-духовного предприятия исходила от меня: хочу – голодаю, а захочу – и наемся, но голод тем отличается от поста, что он приходит извне, не из души, а, как холод, от какого-нибудь излучения тепла земли в межпланетное пространство. И вот это какое-то излучение создает того левого разбойника, который все издевался над Христом и говорил Ему: «Если Ты Сын Божий, спаси Себя и нас».

В дневниках Паустовского религиозный подтекст особенно ярко проявляется во время размышлений о прикармливании властью интеллигенции. По сути, это был для писателя вопрос жизни и смерти. Если бы он принял предложение работать на новую власть, то многие бы проблемы ушли – он бы как минимум не голодал, но для Паустовского сотрудничество с данной властью – все тот же выбор Иуды:

«Началась новая эпоха – прикармливание интеллигенции, профессоров, художников, литераторов. Чека им крикнуло: «пиль», и они покорно пошли, поджав облезлый от голода хвост. Голгофа. Предсмертная пена на губах такого тонкого, сверкавшего, заворожившего все души искусства. Кто из них потом повесится, как Иуда, на высокой осине? Кто однажды продал душу? Господи, да минует меня чаша сия».

Пришвин тоже в курсе прикармливания, шутит на эту тему: «Фольклор Луначарского – фольклор нормированный». И тоже, как и Паустовский, выводит для себя единственно верное правило:

«Держись подальше от власти: там грех и кровавая завеса».

Это правило оба сохранят для себя на всю жизнь. Оба будут держаться от власти на расстоянии, не взглядывать никакие писательские союзы, не участвовать в конференциях, не подписывать писем в поддержку властных решений, неходить на поклоны в широкие и душные кабинеты. Они изберут для себя иной путь – воспевать красоту родной земли и красоту человека. Они будут самоотверженно защищать эту красоту от нападок власти: смелые выступления Паустовского против «убийства» Тарусы – уже

В последнее время разговоры о «справедливых большевиках» и «архиумном Ленине» становятся все навязчивее. Нас убеждают: власть эта была гуманна и народ своей любила, а если и расстреливала кого, то «за дело». Некоторые «эксперты» и вовсе не стесняются рисовать постреволюционную идиллию и социальный рай. На фоне всех этих сказок и острых обсуждений представляется важным опубликовать на традиционной литературной полосе газеты «Время молодых» фрагменты дневников двух известных писателей, которых нельзя назвать ни просоветскими, ни оппозиционными. В их творчестве практически не было политики, однако никто не может упрекнуть их в равнодушии к происходящему. Это Михаил Пришвин и Константин Паустовский, второму, к слову, совсем скоро юбилей. И если дневники первого – самые длинные в русской литературе – с недавних пор пошли в народ, то о дневниках Паустовского многие до сих пор не знают. А между тем они представляют интерес не только для историков, но и для литературоведов: слишком уж похожи, порой одни и те же слова и мысли, одни и те же интонации. Чтобы не пытаться объять необъятное, возьмем лишь один год из дневников писателей – 1920-й.

как по земному раю, рефлектируют, но шмелевские нежные, «душевые» воспоминания о елке, праздниках, снежной России выльются на бумагу немного позже...

Под занавес нашего белого анализа будет верным привести записи Пришвина и Паустовского о том, каким они видели в 1920 году будущее России. И тот, и другой об этом размышляют практически одновременно. Вот только Паустовский заглядывает в ближайшее будущее, а Пришвин – гораздо дальше.

Будущее по Паустовскому:

«Третья революция, которая близка, будет самой кровавой. Будут убивать на улицах, как зверей. Ибо давление ненависти и тяжесть терпения перейдут предел и разразятся внезапным и ошеломляющим взрывом.

Жалость... будет достаточным поводом для смерти. Жизнь народа не терпит пустоты, а теперь эта бесплодная пустота (скоптическая в отношении духа, творчества) наступила».

Будущее по Пришвину:

«Через сколько-то лет. Россия опять стала Россией; с какой гордостью русский скажет тогда, что в поры своем доходил до конца, до ощущения всеми элементов бытия хлеба и воли <зачеркнуто>: и познал начало бытия в хлебе и воле...»

В этом же будущем по-разному сложится судьба дневников писателей. Пришинские – десятилетия пролежат в металлических ящиках в земле, иначе было никак: «За каждую строчку моего дневника десять лет расстрела». После смерти писателя в 1954 году его вдова Валерия Дмитриевна двадцать лет расшифровывала эти записи – почти за полвека их накопилось на много томов. И только после падения СССР эти тома стали выходить в свет. Не сразу. Последний, 18-й, издан два года назад.

А с дневниками Паустовского все еще драматичнее. Долгое время они считались утраченными. И всплыли (по-другому не скажешь) лишь в конце XX века: в центре Москвы их продавали местные бомжи. Они не знали, что это дневники Паустовского, просто – «записи старые», а значит – ценные, к тому же среди бумажек много открыток Крыма – на опохмелку должно хватить. Каким-то чудом в том же сквере тогда оказался один из поклонников писателя. Он и выкупил архив. Неизвестный Паустовский обошелся ему в 500 рублей.

Для нашего поколения эти записи неоценимы.

Максим ВАСЮНОВ.

Номер сверстан в редакции газеты.
Распространяется бесплатно.

Просим газету не выбрасывать и не использовать в хозяйственных целях.
Её можно отнести в ближайший храм или дать почитать другому.